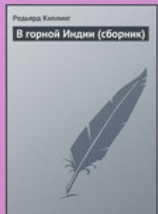

Редьярд Киплинг

Молодой задор

*Часть сборника
В горной Индии (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

Молодой задор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648322

Аннотация

«Во дни своей ранней молодости Дик Хэт был очарован одной девицей. Очаровательница не имела ни роду, ни племени, ни службы, ни определённых занятий, словом, ровно ничего, не отличалась даже красотой.

Случилось это с Диком за месяц до его переселения в Индию и пять дней спустя после двадцать первой годовщины его рождения. Девике было девятнадцать лет, т. е. по всем женским данным она была на одну треть старше жениха, но вдвое глупее его...»

Редьярд Киплинг

Молодой задор

* * *

Во дни своей ранней молодости Дик Хэт был очарован одной девицей. Очаровательница не имела ни роду, ни племени, ни службы, ни определённых занятий, словом, ровно ничего, не отличалась даже красотой.

Случилось это с Диком за месяц до его переселения в Индию и пять дней спустя после двадцать первой годовщины его рождения. Девице было девятнадцать лет, т. е. по всем женским данным она была на одну треть старше жениха, но вдвое глупее его.

За исключением разве падения с лошади, нет ничего легче жениться в регистратуре. Церемония эта требует очень немного времени и стоит всего каких-нибудь пятьдесят шиллингов, а отправляться туда – все равно, что пойти в закладную контору. Запишет регистратор имя, звание, место жительства, род занятий брачующихся, нажмёт пресс-бюваром по записи и, зажав перо в зубах, пробурчит: «Ну, теперь вы – муж и жена». На все это требуется не более десяти минут. Вы берете жену под руку и выходите на улицу с таким чувством, словно совершили что-то не совсем законное.

Однако и эта чересчур уж простая церемония способна связать человека так же крепко, как торжественная клятва перед алтарём, сопровождаемая хихиканьем подружек невесты сзади и оглушительным хором певчих спереди.

Таким связанным со всеми вытекающими из этого обязательствами почувствовал себя и Дик Хэт. Он совершенно серьёзно и добросовестно хотел отнестись к своим новым обязанностям мужа и будущего отца. В этом поддерживала его надежда на должность в Индии, которую выхлопотал ему один добрый знакомый. Эта должность давала содержание, казавшееся вполне достаточным на первый взгляд.

Целый год новобрачная должна была оставаться соломенной вдовой, а по истечении этого срока муж предполагал выписать её к себе, после чего их жизнь должна была превратиться в волшебный сон. Так, по крайней мере, казалось новобрачным, когда они отправлялись в Грэвсэнд, чтобы провести медовый месяц.

Четыре недели промчались как один день. Потом Дик на всех парах помчался в Индию, а его неутешная жёнушка осталась оплакивать временную разлуку в меблированной комнате с пансионом, ценой в тридцать шиллингов в неделю.

Но страна, в которую попал Дик, оказалась слишком суровой по отношению к двадцатилетним юношам, и жизнь в ней была не дешева. Жалованье, казавшееся вполне достаточным на расстоянии в шесть тысяч миль, вблизи значительно уменьшилось. Когда Дик отправил одну шестую часть

жёнущке, у него образовался остаток в сто тридцать пять рупий, которые нужно было растянуть на целые двенадцать месяцев, что оказалось крайне трудным. Мистрис Хэт осталась с двадцатью фунтами стерлингов полученных мужем подъёмных; этой суммы не могло хватить надолго молодой неопытной женщине. Дик поневоле должен был поделиться с ней своим, в сущности, очень скудным жалованьем. Через год предстояло послать ей ещё 700 рупий на переезд к нему в Индию. Он видел, что это вовсе не будет так легко, как рисовалось ему на родине. Поэтому, кроме должности в конторе торгового дома, которую он занимал, нужно было поискать ещё побочный заработок, чтобы хоть мало-мальски свести концы с концами. Быть может, через некоторое время ему удастся получить и такой заработок, который позволит откладывать понемножку сумму, необходимую на переезд жены. Пока же он в свободные минуты брался за все, что попадало под руку и обещало хоть маленькую прибыль к его скудным средствам.

Вначале Дик лишь временами и не слишком сильно чувствовал, что позволил опутать себя тяжёлыми цепями. Это бывало тогда, когда его молодость соблазнялась различными удовольствиями и сладостями жизни, которых он не мог удовлетворить из-за отсутствия хорошо набитого кошелька. Но по мере того, как время шло все вперёд и вперёд, змея досады, разочарования и горя стала преследовать его уже безостановочно.

Началось с писем, вкривь и вкось написанных на семи-восьюми листах и слёзно свидетельствовавших о том, как тоскует по мужу бедная жёнушка и как страстно она мечтает о будущем рае их совместного жительства в Индии. Среди чтения этих трогательных посланий вдруг врывался в жалкую конурку Дика сосед и, захлёбываясь от восторга, звал его посмотреть пони, которого он, сосед, привёл на продажу и который должен очень понравиться уважаемому мистеру Хэту. Дик говорил, что ему вовсе не до пони, и просил оставить его в покое. Тогда сосед приставал с каким-нибудь новым соблазном. В конце концов он довёл Дика до того, что бедняга перебрался в ещё более скромную конурку, объяснив эту перемену тем, что его новое место жительства ближе к конторе.

Когда Дик устроился в новом жилище, все его хозяйство состояло из зеленой шерстяной засаленной скатерти, которой он покрывал еле державшийся на ногах стол. Из одного стула, плохонькой постели, одной фотографической карточки жены, толстого стакана и фильтра для воды. Столовался он за тридцать семь рупий в месяц. У него не было «пунки», потому что «пунка» стоила пятнадцать рупий в месяц. Спал он на кровле той конторы, в которой занимался, и клал под подушку письма жены. Иногда кое-кто из знакомых приглашал его к себе обедать. Тогда он мог наслаждаться и «пункою», и напитком со льдом. Но это случалось редко, потому что люди брезговали знакомством с юношей, об-

ладавшим инстинктами шотландского фабриканта сальных свечей, но жившим так плохо. Участвовать в подписках на устройство каких-либо развлечений Дик также не мог, поэтому единственным его удовольствием было перелистывать конторские книги и учить наизусть правила для выдачи ссуд под верное обеспечение.

Ежемесячно он переводил жене все те маленькие сбережения, которые ему удавалось вырвать из своего заработка. Посылать жене приходилось все больше и больше, по причине, которая скоро выяснится. На Дика вдруг напал тот непреодолимый и неотступный страх, которым страдают все женатые люди его положения. На пенсию он не мог рассчитывать. Что, если он скоропостижно умрёт и оставит жену совершенно необеспеченной? Эта мысль преследовала и мучила его до бурного сердцебиения, и он был уверен, что вот-вот умрёт от разрыва сердца.

Такие заботы и терзания не по силам юношам; они могут быть уделом лишь зрелых мужей. Но Дик был именно юношей, бедным, изнывающим от забот, лишённым возможности завести себе даже «пунку», как у других юношей; тиски этих забот сжимали его. Он готов был сойти с ума, и ему некому было поведать о своём горе. Известный «нажим» одинаково необходим как бильярдному шару, так и человеку, в особенности молодому. Дик постоянно страшно нуждался в деньгах и напрягал все свои силы, как выючное животное, чтобы побольше заработать. Люди, которым он слу-

жил, знали, что юноши могут довольно сносно существовать и на ту сумму, которую вообще принято платить им в Индии, где увеличение содержания производится лишь с увеличением лет, а не по заслугам. И если юноша находил необходимым брать ещё постороннюю работу и таким образом работать за двоих, то это было его дело, а их дело запрещало им платить ему вдвое за труд, который он выполнял лично для них, пока он не достиг ещё определённых лет, когда полагается прибавка жалованья. Дик надрывался и в положенные часы службы, и в свободные от службы и зарабатывал довольно хорошо, однако не столько, сколько требовалось при наличии жены и в ожидании ребёнка да ещё окончания годового срока, после которого нужно иметь лишних семьсот рупий на переезд жены. Издали все это казалось таким лёгким, но теперь, лицом к лицу становилось уже грозным. И это с каждым днём становилось чувствительнее.

Сколько ни посылал жене денег бедный Дик, все было недостаточно. Письма жены изменили свой прежний нежный и грустный тон на другой, упрекающий и сварливый. Почему Дик не хочет выписать к себе жену и ребёнка? Ведь он получает большое, очень большое жалованье и он нехорошо делает, что тратит все на собственное удовольствие. Неужели Дик не пришлёт побольше денег в следующий раз? Для ребёнка надо купить то-то и то-то: следовал огромный список всего «крайне необходимого» для ребёнка.

Любя жену и только что родившегося, хотя и совсем ему

незнакомого сыночка, бедный Дик старался увеличить сумму следующего денежного перевода на родину и писал полумальчишеские, полумужские письма, в которых объяснял, что жизнь совсем не так весела, как им, мужу и жене, думалось, и спрашивал, не может ли милая жёнушка обождать ещё немного с переездом к нему? Но милая жёнушка дольше ожидать не хотела. В её письмах зазвучали новые интонации, которых Дик никак не мог понять по своей молодости и неопытности в жизни, с которой он только что начал знакомиться.

В один прекрасный день Дик узнал от одного из своих сослуживцев, что женитьба не только уничтожит все его шансы на повышение жалованья в будущем, но может послужить причиной того, что он совсем лишится работы. Дик скрывал, что он женат, потому что в Индии не принимают на службу молодых женатых людей. Он переводил деньги жене не через свою контору, а через чужую, чтобы не выдать раньше времени тайну своей женитьбы. Сослуживец проработал уже несколько лет и женился лишь недавно, «сделал эту непростительную глупость», как он сам выражался, и в откровенной беседе с Диком высказал ему, чем угрожает эта глупость. Таким образом Дик нечаянно узнал, что грозит ему самому, когда откроется его тайна. Это был новый удар.

Через несколько дней Дик получил от жены извещение о смерти ребёнка и горькие упрёки в том, что ребёнок бы не умер, если бы мать могла предоставить ему то-то и то-то,

стоившее денег, или если бы и она и ребёнок находились у Дика. Этот удар был тяжелее всех остальных. Но, не будучи официально женатым и потому не имея права быть отцом, Дик не мог явно предаваться своему горю, а должен был таить и его.

Одному Богу известно, как дотянул последние месяцы года наш злополучный Дик, какие надежды поддерживали его в непосильном труде. Работал он по-прежнему с неослабевающим усердием, жил по-прежнему кое-как и впроголодь, тратил лишнее на себя в том лишь случае, когда было необходимо переменить фильтр. Мечта о том, чтобы скопить семьсот рупий на переезд жены, оставалась такой же далёкой от осуществления, какой была вначале. Напряжение его труда, напряжение переводимых им на родину денежных сумм, напряжение тоски по умершему, ни разу не увиденному ребёнку – все это, вместе взятое, надрывало юношу больше, быть может, чем могло надорвать зрелого мужчину. Мучительна была для этого молодого жизнерадостного человека необходимость отказывать себе во всем, что так влечёт к себе именно юношество, не успевшее ничем пресытиться. Седоголовые мистеры, знавшие трудолюбие, бережливость и скромное поведение Дика, одобрительно хлопали его по плечу, повторяя старую поговорку:

Юноша, который хочет отличиться в своём деле,
Должен избегать мамзелей, зелей, зелей.

Дик, воображавший, что дошёл уже до предела всех человеческих испытаний, подобострастно смеялся при этих покровительственных шуточках старших, а перед его глазами неистово кружились и прыгали цифры сведённых им в конторских книгах балансов. Эти цифры не оставляли его в покое ни днём, ни ночью. Но ему предстояло переварить ещё одно новое испытание, которое должно было показаться ему горше всех остальных, уже перенесённых. Пришло новое письмо от милой жёнушки, являвшееся, собственно, естественным последствием предыдущих посланий мистрис Хэт. Тяжесть этого письма заключалась в извещении, что она нашла человека получше него, Дика, и ушла к нему. Объяснения её поступка сводились к тому, что она не намерена ждать вечно, когда он позовёт её к себе. Ребёнок умер, а сам Дик был только глупым мальчиком. И почему он не махал ей платком, когда они расставались в Грэвсэнде? Она знает, что она гадкая женщина, но пусть её судит Бог, а Дик не имеет права её судить, потому что он сам поступает гораздо хуже там, в своей Индии, куда он не хочет её брать, чтобы она не мешала ему весело жить. А новый её избранник целует землю, по которой она ступает. Пусть Дик простит её, сама же она никогда его не простит. Нового своего адреса она ему не сообщает, потому что не стоит. И много ещё было в этом духе нацарапано милой жёнушкой.

Вместо того чтобы благодарить судьбу за своё освобожд-

дение, Дик в полной мере почувствовал всю ту сердечную боль, какую чувствует давно уже женатый мужчина, счастливо живший с женой. Дик помнил только то, какой была его жёнушка при его расставании с нею и с родной Англией, и как горько она плакала в последнюю ночь в их тридцатишillinговой комнатке «с мебелью». Вспоминая об этом, он сам катался с боку на бок по своей жалкой подстилке на кровле индийского дома, плакал и грыз себе ногти. Ему и в голову не приходило отрезвляющее соображение, что если бы он теперь, после почти двухлетней разлуки, встретился с женой, то оба они нашли бы друг друга сильно изменившимися, совсем другими, чем в тот день, когда ходили в регистратуру записываться мужем и женой. Ночь после прихода парохода из Англии, с которым могла бы приехать мистрис Хэт, если бы все было в порядке на земле, эта ночь прошла для Дика особенно мучительно.

На следующий день после этой ужасной ночи Дик почувствовал себя нерасположенным к работе. Ему казалось, что он страшно постарел и жизнь не имеет для него больше никакой прелести. Все ему опротивело, все было немило. И это в то время, когда ему шёл всего двадцать третий год. Как мужчина, он понимал, что он обесчещен, а мальчик в нем добавлял, что теперь ему пора отправляться к черту. Последнее было напрасно, но ему казалось, что это верно. Опустив голову на промасленную зеленую скатерть, он безутешно плакал, готовясь отказаться от должности и от всего, что было

связано с должностью.

Но труды его не пропали даром и были, наконец, вознаграждены. Ему было дано три дня сроку на обсуждение своего нового шага – отказа от службы. За это время глава конторы сносился с кем-то по телеграфу, и когда пришёл Дик, то сказал ему, что ввиду необычайного трудолюбия мистера Хэта и проявленных им чрезвычайных служебных способностей вообще, ввиду всех заслуг молодого человека он, глава конторы, нашёл возможным, в виде чрезвычайного исключения из общих правил, предложить ему, мистеру Хэту, перейти на высшую должность. Разумеется, сначала он займёт эту высшую должность лишь в качестве претендента, и если он с течением времени окажется таким способным к ней, каким все надеются его видеть, судя по его предыдущей работе, то он, мистер Хэт, разумеется, и будет утверждён в ней.

– А сколько жалованья даст мне эта должность? – спросил Дик.

– Шестьсот пятьдесят рупий, – прозвучало в ответ.

И вот когда началось последнее, зато и самое сильное терзание для Дика. Шестьсот пятьдесят рупий! Это было ровно вдвое больше того, что он получал до сих пор. Этого было вполне достаточно, чтобы спасти крошку-сына и милую жёнушку и не бояться открыто признать себя женатым.

Дик разразился хохотом, скверным, диким, завывающим хохотом, которому, казалось, и конца не будет. Когда же наконец он пришёл в себя после этого припадка чрезвычайной

весёлости, то потухшим голосом сказал:

– Спасибо вам. Но я устал. Я стар и разбит. Мне пора уйти на покой. И я ухожу.

– Мальчик-то сошёл с ума, – изрёк глава конторы.

И я думаю, что это было верно, Сам Дик не брался решить этот вопрос.